

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства Слободской Троицкой церкви, Царевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Гриценко* и *членовъ* оного — крестьяне: Степанъ *Ромащенко* и Иванъ *Сименко* на трехлѣтіе [27 февраля]; *церковныхъ старостъ*: къ Красноярскому Владимірскому собору, — купеческій сынъ Іаковъ *Дмитріевъ* [8 марта] и къ церквамъ Царевского уѣзда: Покровской — Средне-Погроминской крестьянинъ Павелъ *Харчевъ*, Покровской-же Зайлаинской — крестьянинъ Савелій *Куріановъ*, и къ таковой-же Широкинскій Михаилъ *Корсаковъ* [28 февраля], изъ ихъ Дмитріевъ и Корсаковъ — на первое трехлѣтіе, а Харчевъ и Куріановъ — на 4-е трехлѣтіе.

— **Опредѣленъ** исправляющимъ должность псаломщика къ Аксайской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, воспитанникъ V класса Астраханской духовной семинаріи Василій *Касіевъ* [6 марта].

— **Перемѣщенъ** пасторъ кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Саворскій*, на таковую-же должность къ Полого-Зайлаинской Вознесенской церкви, Царевского уѣзда [6 марта].

— **Выдана сборная книга** крестьянамъ поселка Шандасты: Евтихію *Рвачеву* и Лебятію *Гладкову*, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добродѣльныхъ пожертвованій по Астраханской епархіи, на постройку церкви въ означенномъ поселкѣ [1 марта].

— **Праздное мѣсто** пастора кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда.

ОУДВЪ НЕОФОНЦІАЛЬИИ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Продолженіе) (1).

II. Правда философовъ древняго міра, по своимъ понятіямъ о религіи и правдивости, стояла выше простаго народа. Изслѣдивъ ученіе ихъ мы находимъ, что Юпитеръ, по ихъ мнѣнію, уже не тотъ вызолоченный колоссъ, предъ которымъ благоговѣла толпа, и боги ихъ не таковы, какими создали

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. N 11.

них поэты⁽¹⁾. При всемъ томъ и они не могли ни преподавать человечеству истинной религіи, ни поддержать нравственности, во всей чистотѣ, потому что и сами не имѣли о томъ точныхъ понятій.

Извѣстно, что главные предметы религіознаго ученія—Богъ, назначеніе человека и его безсмертіе—суть предметы сверхъестественные, до познанія которыхъ философы могли доходить, либо чрезъ наведеніе, либо чрезъ аналогію, такими способами, въ заключеніи конхъ всегда бываетъ болѣе, чѣмъ въ послыкахъ. Явно, что, при этомъ условіи, безошибочныхъ познаній для нихъ и быть не могло. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ ни одной философской школы, которая-бы не погрѣшала, касательно важнѣйшихъ предметовъ религіи. Сколько исторія философіи представляетъ намъ мнѣній о Богѣ, изъ которыхъ одно другаго нелишье! Эпикуръ, наприм., училъ, что Богъ есть существо, праздное, ни мало не заботящееся о мірѣ⁽²⁾. Стоики утверждали, что онъ есть чистѣйшій эфиръ, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы⁽³⁾. Школа элейская проповѣдывала всебожіе⁽⁴⁾, и лучшіе изъ греческихъ философовъ не смѣли вѣрнѣе попятія о Богѣ, называлъ его, или образователемъ, тогда видимаго міра, какъ Платонъ⁽⁵⁾, или первымъ движителемъ, какъ Аристотель⁽⁶⁾. Самъ Сократъ, о которомъ говорятъ, что онъ свелъ философію съ неба, въ предсмертныя минуты поручилъ принести жертву Эскулапу⁽⁷⁾; сдѣдовательно, кромѣ Бога истиннаго, признавалъ и боговъ черни... Есть основаніе думать, что какъ онъ, такъ и Платонъ, сливали Высочайшее Существо съ міромъ⁽⁸⁾.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: откуда міръ и человекъ, древніе фило-

(1) Платонъ изъявлялъ негодованіе на вымыслы поэтовъ, уничтожающіе божество. Vid. *polit...* Сократъ, насмѣхался надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ, или собакою. Диогенъ, равнымъ образомъ, насмѣхался надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ Юпитеровъ. См. Терт. Апол. гл. XIV; также у Лакт. на стр. 61.

(2) Cicero. de nat. deorum, lib. c. 17. Lucret. c. 5.

(3) Vid. inst. histor. Philos. Bruck. ст. 229. 9. 5.

(4) См. въ ист. высокопроевъ. Филарет. стр. 157.

(5) Tim. Tom. III. стр. 26. Cicero. Tuscul. quaest. lib. 1. c. 6.

(6) См. inst Hist. Philos. Bruck. ст. 197. 9. 19.

(7) См. Апол. Терт. стр. 92. Conf. Xenoph. de factis et dictis Socratis l. 1, c. 1.

(8) См. Tim. Tom. III. стр. 34.

боги также не могли дать вѣрнаго отвѣта⁽¹⁾, такъ-что, если вѣрить Цицерону, то почти все они разогласили между собою въ томъ: богами-ли съ самаго начала все сотворено, движется и управляется⁽²⁾.

Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ былъ новымъ камнемъ претканин для философовъ. Мудрецъ персидскій Зороастръ утверждалъ, что отъ вѣчности существуютъ два равныя начала: доброе и злое, свѣтъ и тьма; поэтому зло неизбѣжно, какъ и добро⁽³⁾. Глава академіи, согласно началамъ своей философіи, думалъ, что зло происходитъ отъ злой вѣчной матеріи, которую Богъ никакъ не могъ сдѣлать доброю⁽⁴⁾. Зеновъ, основатель стоической школы, училъ, что добро и зло опредѣлены необходимою судьбою, и слѣдуютъ въ мірѣ по непрерывной связи причинъ и дѣйствій, какъ звѣнья въ цѣпи⁽⁵⁾. Камъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ, суть что набудь большіе мечты и выдумки, съ принятіемъ которыхъ, однакожъ, мы неизбѣжно должны отвергнуть понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества!

И касательно судьбы нашей за гробомъ, мы не находимъ въ древней философіи почти ничего утѣшительнаго⁽⁶⁾. Даже Сократъ, умершій въ уваже-

(1) Удалось все производило изъ воды: Aristot. Methaphys. lib. 1. c. 3. et Cicér. de natur. deor. lib. 1. c. 10. Анаксимандръ полагалъ въ основаніи всѣхъ явленій единое предѣленное: См. очерк. истор. философ., по Рейнгольду на стр. 12. Анаксименъ первымъ началомъ всего признавалъ воздухъ. Inst. Hist. Philos. Bruck. стр. 132. § XI. Демокритъ и Эпикуръ — вѣяние атомы. Idem. стр. 265. § XVI, Платонъ утверждалъ, что міръ образованъ и только образованъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Plato in Philebo); и что душа человека, происходя изъ Бога, имѣетъ въ себѣ ничто матеріальное (in Philebo).

(2) Cicér. de nat. deor., lib. 1, c. 1.

(3) Jacob. Bruck, Inst. Hist. Philosoph. pag. 51. § XI. Conf. Sendanesta, ed. Kleukeri Th. 11. pag. 376.

(4) Plat. in Phileb. Plutar. de anim. procreat.

(5) Inst. Hist. Philosoph. Bruck. Physiolog. Stoic. § 5. стр. 220.

(6) Слостолюбивый Эпикуръ ограничиваетъ существованіе души здѣшнимъ міромъ, говоря, что не надо бояться смерти, потому что мертвый не чувствуетъ... См. очерк. истор. философ. по Рейнгольду на стр. 55. Стоики почитали безсмертіе проблемною: а у Платона и его послѣдователей ученіе о безсмертіи обезображено душепереселеніемъ, и скорѣе располагаетъ къ невѣрію въ наше за гробомъ существованіи, чѣмъ къ вѣрѣ.

ни къ нравственному достоинству своей природы, не сказалъ предъ смертію своею ничего дѣрнаго о ея послѣдствіи⁽¹⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе философы древности и сами сдѣлавались въ ограниченности своихъ познаній въ дѣлѣ религіи: „благочтенію, говоритъ Платонъ, никто не можетъ научить людей, если не самъ Богъ, придетъ на землю, какъ вождь и паставникъ“⁽²⁾. И Сократъ говоритъ Алкивиаду: „необходимо нужно ожидать наставника, который-бы научилъ насъ, какъ должно вести себя достойно предъ Богомъ и людьми“⁽³⁾. На то-же указываетъ и Цицеронъ, когда говоритъ: „не сознается-ли самій лучшій и глубокомысленный изъ философовъ, что онъ многого не знаетъ, и что ему нужно учиться, да учтсья“⁽⁴⁾...

Обращая вниманіе на способъ, которымъ руководствовались философы, при изложеніи своего ученія, мы видимъ, что онъ полагалъ новую преграду къ распространенію познаній о предметахъ религіи.

Между крѣпкими философами господствовало мнѣніе, что правильное понятіе о религіи и въ особенности о единомъ Виновиатѣ всего существующаго, можетъ быть удѣломъ не многихъ мужей, достигшихъ высокаго умственнаго развитія; а простой народъ почитался неспособнымъ возвышаться надъ суевѣріемъ. Цицеронъ прямо говоритъ, что философія довольствовалась не многими судьями, и съ намѣреніемъ удалалась черпа⁽⁵⁾. Варронъ, одинъ изъ ученѣйшихъ римлянъ, разсуждая о религіи, выразился такъ: „много есть истиннаго, что народу знать полезно, и много ложнаго, о чемъ народу бесполезно думать иначе“⁽⁶⁾. Само-собою разумѣется, что руководимые такимъ предразсудкомъ философы, хотя усматривали нелѣпность народныхъ мнѣній, однако не вооружались со всею ревностію противъ суевѣрія, утвержденнаго

(1) Друзья, говорилъ онъ, настала часъ разлуки: мнѣ должно умереть, а вамъ жить. Кому изъ насъ лучше будетъ—этого, кромѣ Бога, никто не знаетъ. *Plat. in Apoloh. Socrat.* Смерти не бойтесь: она подобна, или глубочайшему сну, или послѣ ея все уничтожается. *Plutarch. in Consolat. ad. Apd. vid. l. VI p. 408.*

(2) *Plat. in Epimenid, pag. 111.*

(3) *Alcibiad. 11. p. 1. r. 2. pag. 296.*

(4) *Cicer. in quaest. Tuscul. lib. 111. Conf. Jambl. in vita Pythagor. c. 82. Quae Deo grata sunt, scire difficillimum est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audivit, audiverit.*

(5) *Cicer. de divinat. lib. XXII.*

(6) *August. de civit. Dei. lib. IV. c. 10.*

временемъ и навывкомъ. Да едва-ли бытъ, хоть одинъ изъ нихъ, который-бы въ дѣлѣ религiи рѣшился идти на перекоръ своему вѣку. Сократъ, имѣвшій болѣе другихъ возвышенные помысли о Богѣ, одобрялъ однакожъ отвѣтъ дельфійскаго оракула: „боговъ, согласно законамъ общества, должно почитать“ и, если вѣрить Ксенофонту, то поставлялъ даже въ обязанность „каждому въ дѣлѣ религiи слѣдовать своей землѣ⁽¹⁾!“. А Платонъ настаивалъ, чтобы „въ вѣрѣ принятой ничего не было измѣняемо“⁽²⁾. Говоря о Богѣ, сотворившемъ мiръ, онъ сказывалъ, что трудно Его найти, и запретиалъ объявлять о Немъ пароду, общаясь и самъ говорить о Немъ не иначе, какъ загадками, изъ опасенiя подвергнуть эту великую истину посмѣянiю⁽³⁾. Наконецъ, Цицеронъ, посвященный, какъ авгуръ, во все мистерiи своей религiи, хотя въ 3-й книгѣ о естествѣ боговъ рѣшительно отвергаетъ идолослуженiе, однакожъ тѣмъ не менѣе внушаетъ, чтобы установленiя жрецовъ (pontificum) и авгуровъ были соблюдаемы⁽⁴⁾. Все это ведетъ къ тому заключенiю, что подобные люди, содержащи истину въ неправдѣ (Рим. 1. 18), и познавши Бога, не хотѣли и не могли быть наставниками рода человеческого въ дѣлѣ религiи (Рим. 1, 21).

Но не имѣя ни расположенiя, ни возможности сообщать человечеству истинныя понятiя о религiи, древнiе философы тѣмъ менѣе могли содѣйствовать исправленiю и его нравственности. Это доказываетъ и жизнь ихъ и правоученiе.

Не говоря уже о эпикурейцахъ, кпренаикахъ и циникахъ, правила которыхъ были притчею въ глазахъ самихъ язычниковъ, водившихся болѣе возвышенными помыслами, мы могли-бы указать на слабыя стороны жизни даже корифеевъ языческой мудрости⁽⁵⁾; но чистота, требуемая Евангелиемъ, побуждаетъ насъ опустить завѣсу надъ дѣлами тьмы: довольно замѣтить съ апостоломъ, что *предиде* ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту: *во еже осквернитися тѣлесемъ ихъ съ собою самихъ* (Рим. 1, 24; Евес. 4, 17—20). Цицеронъ, по тщательномъ изслѣдованiи жизни филосо-

(1) Воспомин. Ксеноф. кн. 10.

(2) Плат. о зак. 5.

(3) Письмо 2-е къ Демонiю. Conf. Cic. de natur. deor. Lib. 111, стр. 2.

(4) Conf. de legibus. Lib. 11. cap. 3.

(5) Senec. de vita beat. cap. 10.

фовъ, дѣлаетъ о нихъ далеко не лестные отзывы: „какой, философъ, говоритъ онъ, жилъ такъ, какъ требовало того разумъ?... Кто изъ нихъ былъ послушенъ своему уму и правиламъ?... Одни были преданы сребролюбію, другіе тщеславію, а иные другимъ страстямъ, такъ-что ихъ живыи и ученіе удивительно какъ разногласятъ между собою“⁽¹⁾.

Но если правила нравственности, внушаемыя философами, не были можно было оправданы собственною ихъ жизнью, то могли-ли они имѣть силу и важность для другихъ? Не вправд-ли былъ всякій спавать такимъ наступникамъ: *врачу исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23)? И всегда-ли возвышенныи и поногрѣнимы были эти правила? Не большая-ли часть изъ нихъ вронпнпута самыми трубами заблужденіямъ? Такъ, это, говоря словами св. Амвросія, только снаружи было золото; если-же посмотрѣть во внутрь (*intus*), то находимъ только руду⁽²⁾.

Самоубійство, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ христіанская нравственность, одобрялось, даже славными въ своемъ родѣ мужами древности, а стоики отзывались о немъ, какъ о самомъ добродѣльномъ поступкѣ, прбславляя, какъ нѣчто такое, за исполненіе чего должно благодарить бо-

(1) Tuscul. quaest. lib. 11. c. 4.

(2) См. Epist. 82. И у Эпикура есть трактатъ (*liber*) о святости говорить съ насильною Цицеронъ; по какой бытъ святости тамъ, гдѣ дѣлами человѣчекими управляютъ не боги? Хотя-бы никогда не было такого бога, который не жаждетъ ни благодарности, ни любви людской. Да у лучшихъ представителей стоической школы—наряду съ прекрасными правилами, читаемъ: наживайтесь друзьями, наживайтесь! наживайтесь, гдѣ можно, честно, и гдѣ иѣтъ-зя, тамъ какъ ни пошло наживайтесь; а о добродѣтели уже почти подумаемъ. Цицеронъ, вовсе не спавивъ насъ надъ собою: онъ не столь мужественъ. Онъ поддерживается отъ удовольствій, потому что не можетъ ницъ наслаждаться: мы—потому что не хотимъ. Онъ иѣтъ-срадацій: мы—превыше ихъ!... (Vid. Horat! o Cives! quaerenda paecunia primum, virtus post nummos; rem facias, rem, si possis recte, si non, quocunque modo rem!..) Senec. Epist. V. de providentia b. Или мудрый, говоритъ Сенека, не предается никогда соблазнаванію. Сожалѣніе; старухами и дѣвочками престоупи-но принимаемое за добродѣтель, пороку... Мудрый никогда не прощаетъ. (*Misericordia est aegritudo animi... Sapiens non miseretur... non ignoscit*). Эти слова Сенеки (*Conf. de Clementia 11. 4, 5 и 6*) выражаютъ чистое ученіе стоиковъ, какъ оно утверждено Цицерономъ (*Tuscul. quaest. 4*) и оспорено блж. Амвросіемъ, (*о градѣ Бож. 1. XIV*). И не на гордости-ли основана вся мнѣня сила стоицизма? По-крайней-мѣрѣ, чѣмъ другимъ объяснимъ себя слова Сенеки?

говы⁽¹⁾. И употреблять ложь, особенно въ отношеніи къ простыкамъ, мудрецу также не вліялось въ безчестіе⁽²⁾.

Болше можетъ нравиться нравственность Платона: она пробуждала иногда въ сердцахъ почитателей его сильное стремленіе ко всему высокому и благородному. Но справедливость требуетъ сказать, что и его нравственный принципъ невзыятъ отъ заблужденій: не одобряя, напр., пьянство въ обыкновенные дни, въ день празднованія Бахуса, онъ не находилъ предосудительнымъ упиться до излишества⁽³⁾; въ супружествѣ позволялъ имѣть общія жонки⁽⁴⁾, даже родныхъ сестеръ⁽⁵⁾; и одобрялъ подкидываніе дѣтей. Самъ Сократъ училъ Теодотію визкому искусству — обольщать юношей⁽⁶⁾. До такой степени, сбивчивъ и новѣропы взглядъ философовъ древности на самыя коренныя правила жизни!

Заключимъ изслѣдованія наши о не удовлетворительности естественной религіи, столь разительна высказавшейся въ ученіи и жизни древнихъ мудрецовъ; словами Канта, который говоритъ: „я не нахожу въ древней философіи ни нистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и какъ о нравственномъ виновникѣ и правителѣ міра, ни основанія истинной нравственности, которая у стоиковъ является слишкомъ суровою, а у эпикурейцевъ слишкомъ слабою⁽⁷⁾. Такой отзывъ о скудныхъ плодахъ древней философіи, для образованія современнаго ей человечества, сдѣланный однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ разума, весьма ясно указываетъ на недостаточность самаго рационализма, который почитаетъ по нуажно откровенную религію, при религии естественной.

Впрочемъ, для естественной религіи настала лучшій періодъ, со времени христіанства. Идеи ея видію обогородилась. Но и въ этомъ періодѣ своего развитія, какъ мало представляла она основаній для познанія истины! Чему учить насъ, наприм., философія французская, развивавшаяся до революціи

(1) Cicero. de fin. 1. 11, §. 18.

(2) Vid. stoic. 1. стр. 230.

(3) Плат. о зак. lib. 6.

(4) Плат. о респ. lib. 4.

(5) Dialog. 5 in Republ.

(6) Vid. Xenoph. de dictis et factis mirab. 1. IV. стр. 2.

(7) Vid. Lenisech. Beschreiben an Spalding pag. 55, 92. Conf. Institut. Theol. Feier. T. 8. p. 70.

въ средѣ, такъ называемыхъ, энциклопедистовъ? Не самому ли грубому материализму, издѣвавшемуся надъ всѣмъ духовнымъ? Парижская академия — представительница высшей европейской учености XVIII ст. — торжественно отвергла бытие Бога⁽¹⁾. Современный намъ де-Саси, въ предисловіи къ двумъ толкамъ томамъ своей духовной библиотеки, говоритъ: «въ философскихъ сочиненіяхъ; по большей части, меня удивляетъ то, что, желая помянуть основанія, онѣ всего чаще приводятъ къ послѣдствіямъ обратнымъ». Тайна не въ точкѣ отправленія, а въ выводахъ, которые касаются насъ гораздо ближе. Пантеизмъ, всеобоготворяющій, уничтожаетъ различіе между добротами и зломъ. Сенсуализмъ переходитъ въ глубокомъ эгоизмъ. Скептицизмъ, оставаясь среди сомнѣній, невозможно, требуетъ отъ человѣческой природы, жаждущей знанія, върваній, чтобы она только дышала, мыслила и дѣйствовала. И философы Германіи, мудруясь *по стихіямъ міра; а не по Христу* (Кол. 2, 9), далеко ли оставили за собою язычниковъ въ изслѣдованіи о Богѣ? Слѣдя за развитіемъ ихъ мыслей о Существовѣ высочайшемъ, находимъ, что нѣкоторые изъ нихъ святоотечественно постигли на самое единство существа Бога, столь долго и столь побѣдоносно опорищаемое разумомъ и многобожьи, и раздробили его на разные виды множественности. Мало этого: они взяли міръ, оняши у него начало и стали вводить его различными способами въ составъ Божественной природы, думая чрезъ то объяснить непостижимую тайну жизни Божественной. Такимъ образомъ, Творца поставили въ зависимость отъ каждой твари, какъ необходимой для подчоты его бытія. И тогда безпредѣльный начинаетъ у нихъ вмѣстѣ съ міромъ подлежать развитіямъ, постепенностямъ, усовершенствованіямъ! Но, что всего богопротивнѣе, такъ какъ міръ теперь подлечитъ несовершенствамъ, то и эти несовершенства должили отразиться въ образѣ бытія Божественнаго, какъ неизбежно условіе жизни и совершенствъ Божественныхъ⁽²⁾. Въ такой-то несходный мракъ заходитъ мудрость человѣческая, мудруясь о Богѣ — безъ Бога!

(1) Bernard. des Pierre oeuvres. T. 1. p. 245. D. X. кн. IV. отд. I.

(2) Вообще новѣйшая философія въ Германіи носитъ на себѣ характеръ пантеизма. Тѣмъ наприм., по взгляду Фихте, духовныя недѣланныя суть формы, въ которыхъ проявляется Богъ — всеобъемлющая жизнь (См. очерк. филос. по Рейнгольду, стр. 182). По мысли Шеллинга: „природа есть основаніе божественнаго бытія, Богъ въ своемъ самодыновеніи“⁽¹⁾ Призывалъ, такимъ образомъ, во всемъ обнаруженіе всеобщей и единой жизни; Шеллингъ отвергъ чрезъ это въ существахъ разумныхъ личность и съ нею все счастье и блаженство царице. (Conf. Schelling. Philosoph. schrif. pag. 429). По системѣ Фехеля: „иже Божество“

Богооткровенная религія есть величайшее сокровище рода человеческого и составляет существенную потребность какъ мудреца, такъ и пещьбды, а потому ея внушенія должны быть понятны всѣмъ и каждому. Но такъ-ли религія предлагаемая цовѣйшею философіею? Кто изъ неосвященныхъ въ тайны науки пойметъ эту неопредѣленность и сбивчивость въ понятіяхъ? Кто согласитъ эти безконечныя разногласія, которыя прѣвоятъ въ недоумѣнію даже опытныхъ въ дѣлѣ философіи? „Ни въ логическихъ, ни въ философскихъ познаніяхъ нашего времени, говоритъ Ваконъ, нѣтъ ничего здраваго...; почти все оно фантастично и худо опредѣлено⁽²⁾. Весьма важное заблужденіе заключается въ удаленіи наукъ отъ ихъ истинной цѣли... Не можете быть, чтобы правильно совершался ходъ тамъ, гдѣ неправильно указана самая цѣль⁽³⁾. Но если-бы и была опредѣлена цѣль наукъ, то къ ней нельзя прійти тѣмъ путемъ и посредствомъ тѣхъ методовъ, которыя нынѣ въ употребленіи: чловѣка мыслящаго они поражаютъ своею нецѣлесообразностью⁽⁴⁾.

въ томъ смыслѣ, какъ признаетъ его здравый смыслъ: ея Богъ есть диалектическая всеобщность, осуществляющаяся въ душахъ человеческихъ“... Безъ чловѣка и міра—Богъ не былъ-бы „Ногомъ“ (Hehels Religions Philosoph. Т. XI. pag. 140. Т. XII. p. 151, 330). И такъ, возвышая природу до божественности, Гегель унизилъ Существо верховное до бездушныхъ тварей!...

(1) Даже въ самомъ понятіи о религіи разногласятъ новѣйшіе философы. По мысли, наприм., Канта, она есть признаніе практическаго закона—за законъ божественный; Фихте доставляетъ се въ убжденіи о порядкѣ міра нравственнаго; по мнѣнію Шеллинга, она есть умственное содержаніе Божества безусловнаго и происходящее отъ сего стремленіе къ Его удобовѣрному (Conf. Inst. Theolog. Feier. Fom. VII. 37, 38). „О непосредственной религіи говоритъ Гегель, думаютъ, что она должна быть самою истинною, самою превосходною, божественною религіею; и что она должна быть исторически первою. По нашему взгляду, она есть самая несовершенная, а отъ того и первая, тогда какъ по вышесказанному представленію, она хотѣ первая; однакожь самая послѣдняя“. Отвергая потомъ понятіе о первоначальности совершенствъ чловѣка, онъ такъ понимаетъ первоначальное состояніе: „состояніе невинности есть то, въ которомъ для чловѣка нѣтъ еще ничего добраго, ни злаго“... Соответственно такому началу, у него нѣрвыя формы религіи есть религія природы, раскрывающаяся, какъ религія волютебства (дикарей и Китаей), потомъ какъ религія фантазіи (индійская) и наконецъ, какъ религія свѣта (зороастрова) и загадки (египетская). За тѣмъ слѣдуютъ религіи духовной индивидуальности (иудейская, эллинская и римская) и наконецъ абсолютная религія (христіанская), представленная съ точки зрѣнія его системы. Vorlesungen über die Philosophie der Religion. 1832. В. 1. pag. 190, 193.

(2) N. org. 1. Aph. 15.

(3) N. org. 1. Aph. 81 и 82.

(4) N. org. 1. Aph. 82, 105. И многолики были послѣдователи Канта, Фихте, и Гегеля—послѣдователи таковыхъ, но-бы вносили достигаи мысль своего представника? Какъ

Наконецъ, философы, ограничиваясь одними естественными началами познания, и сами не усвоивъ своему учению характера свыше человеческого. Между тѣмъ, въ дѣлѣ религій, которой должны подчиняться и разумъ и совѣсть человека, что значитъ авторитетъ только человеческій? Совершенно ничто! — Потому что каждый изъ насъ имѣетъ право и способность думать, что проповѣдникъ религій есть такой-же человекъ, какъ и мы, и, следовательно, какъ и другой, — не имѣетъ власти надъ совѣстью подобнахъ себѣ. Безцѣльная попытка со стороны теофилактритизма, поучавшагося въ прошломъ столѣтїи, во Франціи, подрывать знамя естественной религій, на развалинахъ религій откровенной⁽¹⁾, — какъ, нельзя лучше доказала справедливость словъ блаж. Августина, что, «безъ вышшаго авторитета не можетъ быть истинной религій»⁽²⁾.

И такъ скудные источники земной мудрости, окошко бы ни углубляли ихъ никогда не дадутъ воды живою (Евр. 2, 18). Възъ Сына не узнаютъ Отца, а его познаетъ только тотъ, кому Сынъ открытъ, восхожденъ (Матѣ. 11, 27). Сомнѣвающимся въ этой несомнѣнной истинѣ, довольно указать на тотъ длинный рядъ философовъ, отъ Фалеса до позднѣйшихъ философовъ, которые, подобно столпамъ, стоящимъ при пути, ясно указывали только то, что надо оставить, — каждый изъ нихъ отстоялъ отъ истины религій, сами-же собою не довели, или довели, по-малому, или до богопознания, или до благоугождения Господу (Рим. 1, 21, 22, 3, 10, — 18).

(Окончаніе будетъ).

Аристотель никогда свара до себя incertus morior; такъ и послѣдній до аду, своимъ явномъ противорѣчіемъ съ здравымъ смысломъ Гегель не сознался ли горжеественно, въ предсмертныя минуты, что никто его не понималъ? Voyez Revue des Deux mondes, T. 1, стр. 19, janvier, 1843.

(1) Conf. Staudem Beytrage zur Philosophie und Geschichte der Relig. 1. Th. p. 222, sq. 111. Th. § 368. Conf. Ayt. Reveillere Lepaux-Parissis. Не потребная женщина, говоритъ Маколей, воссади на богатыхъ креслахъ въ алтарь собора Notre Dame, принимала поклоненіе нѣсколькихъ тысячъ людей, которые восклицали: наконецъ-то въ первый разъ древніе готическіе своды «отмѣнились камнями истины». Смотр. полное собраніе счтеній Маколей, Томъ III, стр. 146.

(2) August. de utilitate credendi — c. q. Religio vera sine quodam gravi auctoritatis imperio nullo modo miri recte potest.